

ПРАВОПОНИМАНИЕ В АСПЕКТЕ ПРЕЗЕНТАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Носков В.А.

*Доктор философских наук., профессор кафедры социологии
и организации работы с молодежью НИУ «БелГУ»*

Стремление к познанию, пониманию и преобразованию социальной реальности побуждает к поиску валидной, т.е. убедительной и обоснованной «фактуры», претендующей на то, чтобы стать репрезентантом данной реальности. Другими словами, социальная реальность в теории и на практике конструируется субъектом не непосредственно, а опосредованно – путем выявления ее определенных аспектов, срезов, «проблемных» полей и т.д. Получается, что «заземленная» плоскость социальной реальности коррелируется, сопрягается с ее «абстрактной» плоскостью.

Так, понимание того, что есть правовая реальность неизбежно подразумевает выход на проблему интерпретации того, что ее порождает – социальной реальности, ибо исторически развитие права накладывалось на процессы секуляризации, гуманизации, демократизации общественной жизни, стимулирования многообразных форм, механизмов и способов социального самовыражения человека, раскрепощения его творческих сил и способностей. В то же время в этих судьбоносных исторических процессах право играло не только роль «объекта» – производного фактора, но и роль «субъекта» – их активной стороны, что выражалось в стремлении ключевых участников (акторов) созидания, развития и структурирования социальной жизни опереться в лице права на фундаментальный ориентир и регулятор, придающий последней устойчивый, последовательный и предсказуемый характер развития. Иными словами, подобные процессы неизбежно облекались в правовую оболочку с актуализацией не просто факта обозначения, фиксации их бытия, но факта их *легитимного бытия*, то есть их правовой оценки, определяющейся, в свою очередь, тем, как трактовалось само право.

Принимая во внимание данное обстоятельство, приходится констатировать, что история права есть «история противоборства различных типов правопонимания, т.е. различных подходов к пониманию того, что есть сущность права как специфического явления социальной жизни»¹. Причем, в ходе этой борьбы довольно отчетливо

---

¹ Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В.М. Сырых. – М.: Эксмо, 2008 – С. 41.

просматривается тенденция опоры каждого из этих подходов (правовых типов) на идею универсализма – всеобщую трактовку права, выступающую либо в качестве ключевой детерминанты иных его трактовок, либо в качестве притягивающей, аккумулирующей их силы, либо в качестве фактора, аннигилирующего, упраздняющего все то, что содержат оппонированные по отношению к нему (данному подходу) интерпретации права. *Универсальное понимание права* тяготеет к абсолютизации какого-либо одного правового типа, на основе которого познается социальная реальность, трактуемая как некая «однородность» в том смысле, что ее можно подогнать под единую объяснительную схему (норму) именно данного правового типа, поскольку иные трактовки права в свете обозначенной установки становятся не нужными, не востребованными. Подобная универсалистская зашоренность приводит к тому, что одна из интерпретаций права объявляется «легитимной», а другие – нет, что автоматически ведет к принижению, а зачастую, к игнорированию их эвристического потенциала, а, в конечном счете, к обеднению самой правовой характеристики общества.

Выход видится в интегративном понимании права – вполне очевидной альтернативе универсалистским интенциям в герменевтике права. Интегративное понимание права исходит из признания разнородности социальной реальности и, соответственно, наличия различных типов правопонимания как отражения этой разнородности, с тем, однако, принципиальным допущением, что свою эвристическую ценность каждый из типов права может проявить, лишь соотносясь с другими его типами, поскольку сама разнородность этой реальности не безусловна, а условна, то есть носит относительный характер. Очевидность интегративной интерпретации права никто не оспаривает, хотя признание этой идеи не трансформируется в ее надлежащее обоснование, ибо все это осуществляется в основном на уровне абстракций – общих рассуждений, а не в русле конкретики – их предметного «заземления». Например, О.В. Мартышин отмечает: «Не лучше ли... не искать универсальное понятие, а сочетать разные понятия и определения, имея в виду, что каждое из них в отдельности неполно и относительно, и лишь их совокупность дает разностороннее представление о праве?»¹ Обоснованность данной точки зрения

---

¹ См.: Мартышин О.В. Совместимы ли основные типы понимания права? //Государство и право, 2003, № 6, с. 17

очевидна и несомненна, хотя при этом нельзя не видеть ее декларативности, то есть того, что она сформулирована в общих чертах и, соответственно, не подкрепляется анализом конкретных социальных проблем, событий или фактов. Можно добавить, что интегративная трактовка права выступает в качестве оппонирующей силы и по отношению к отраслевой герменевтике права, подразумевающей трактовку социального бытия как разнородной реальности, но с акцентом на то, что ее составляющие в известной степени самодостаточны и, следовательно, нуждаются лишь в «своем» типе права, позволяющем более или менее точно отразить, понять их природу. Проблема, таким образом, заключается в избегании крайностей – универсалистских и сепаратистских искушений в трактовке права.

Итак, апелляция к праву – это одно, а его трактовки – другое, ибо последние сами детерминированы, с одной стороны, «высокими» теориями, а с другой – «приземленными» теориями. В первом случае задается ориентация на понимание абстрактной сущности права, а во втором – его конкретной сущности. С точки зрения предельного абстрагирования сущность права видится в первооснове, которая «накладывается» на социальную реальность, изначально олицетворяющую собой принципиально однородное социальное бытие. Смысл этой однородности в том, что все его фрагменты (элементы) подвержены правовому управленческому воздействию, осуществляемого по единым, универсальным и однозначно трактуемым «правилам игры», которые задаются соответствующим типом правопонимания, становящимся в этих условиях самодостаточной регулятивной силой и, следовательно, не нуждающейся в использовании потенциала других правовых регуляторов (типов права). Парадигма абстрактной сущности права представляется убедительной, но с одной принципиальной оговоркой – она «работает» в рамках теории «вообще», но отнюдь не тогда, когда эта теория заземляется, экстраполируется, преломляется, т.е. используется как инструмент объяснения и понимания феноменологических (проявляющихся) форм социальной жизни. Ведь именно в ходе подобного анализа обнаруживается гетерогенный характер этой жизни, ее очевидная неоднородность, разнокачественность и многоликость. А это самый весомый довод в пользу понимания конкретной сущности права, ориентированной как раз на учет данных обстоятельств. Следовательно, в реальном (актуальном) познании добывание, получение, приращение знания касательно социальной реальности заключено не на путях

противопоставления, а на основе сопряжения, или, если угодно, интеграции эвристического потенциала различных типов правопонимания, ибо то, что убедительно трактуется в рамках одной интерпретации права, представляется неубедительным в рамках другого его истолкования.

Итак, правопонимание – это герменевтика (трактовка) права с точки зрения двух взаимосвязанных познавательных стратегий, одна из которых апеллирует к праву как таковому, другая – к социальной реальности, которую оно (право) призвано объяснить. Вырисовывающаяся в это связи дилемма выглядит так, что, либо социальная реальность должна подгоняться под существующий тип правопонимания, либо, наоборот, она, или какой-либо ее фрагмент в решающей степени определяет релевантность (уместность) использования того или иного типа правопонимания. Думается, что второй путь более плодотворен, так как в его основе лежит принципиальное допущение – признание гетерогенного характера этой реальности, ее разнородности, что предполагает сосуществование различных качеств в рамках ее бытия. Качество, как известно, есть тождественная с бытием определенность¹. Разнородность социальной реальности проявляется в специфике уровней жизнедеятельности общества, его сфер, состояний, механизмов развития, «проблемных полей» и т.д. Однако подобное допущение неизбежно предполагает корреляцию – соотнесенность с познавательным процессом, где смысловым ядром являются концепции права, каждая из которых в своем прикладном назначении отвечает за «конкретное качество», а не за «качество вообще», ибо не претендует на универсализм в объяснении социальной реальности, а реализует свои эвристические возможности партикулярно, «отвечая» за тот или иной модус ее бытия.

Например, с каких правовых позиций можно анализировать проблему взаимосвязи гражданского общества и правового государства? Ведь по сути в данном случае речь идет о возможности и необходимости решения проблемы порядка, которая с подачи Т. Гоббса считается важнейшей, если не главной проблемой общества. Порядок – это не столько «фатальный», сколько «условный» факт, ибо он являет собой диалектическое единство устойчивости и неустойчивости, постоянства и изменчивости, преемственности и разрыва применительно к историческому развитию. Выражаясь метафорически, социальный порядок – это не «подарок», а «приз», за

---

¹ См.: Гегель Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. – М., 1975. – С. 216.

который нужно бороться, используя весь арсенал средств. Но в этой связи возникает вопрос «А кто уполномочен использовать данные средства?». И здесь приходится констатировать двойственность самих основ порядка, ибо он должен в идеале поддерживаться, с одной стороны, правовым государством, а, с другой – гражданским обществом. Порядок, таким образом, существует, воспроизводится, трансформируется благодаря наличию двух «проблемных полей» (полюсов) – свободы как коррелята гражданского общества и справедливости – коррелята правового государства. Свобода в своем эмпирическом «заземлении» есть атрибут конкретных индивидов – носителей персональной ответственности по отношению к социальному миру, тогда как тотальная ответственность с не меньшей очевидностью атрибутируется государством, отвечающим за порядок в масштабах всего общества. Если редуцировать (упростить) выше обозначенные соотносительные характеристики, то можно сказать, что на индивидуальном уровне свобода «поглощает» справедливость, а на уровне государства – наоборот, справедливость первична, а свобода вторична.

Уже это допущение рождает сомнение относительно правомерности использования одного типа правопонимания применительно к интеракции правового государства и гражданского общества, ибо здесь приходится соединять, стыковать противоположные миры, воплощающие, с одной стороны, «горизонтальные» (в лице гражданского общества), а с, другой – «вертикальные» (в лице правового государства) процессы, связи и отношения. Получается, что исследование проблематики взаимодействия гражданского общества и правового государства обусловлено императивностью правового дуализма, ибо и то, и другое олицетворяют предполагающие друг друга, но не тождественные основы социальной реальности.

Выше обозначенные методологические акцентировки можно развернуть и конкретизировать следующим образом. Если исходить из исторически сложившегося деления права на «натуральный» и «искусственный» типы, то гражданское общество востребует в качестве своей правовой характеристики «естественное право», тогда как суть правового государства наиболее адекватно отражается юридической версией «позитивного права». Неоспоримый факт в том, что гражданское общество состоит из свободных людей, осознающих свои права и обязанности, способных защищать их от чрезмерной опеки со стороны государства на основе четкой артикуляции своих интересов, практической реализации корпоративной (ассоциативной)

солидарности, позиционирования себя в качестве равноправного партнера государства. Однако подобные социальные качества и свойства атрибутивно предполагают естественно-правовую оболочку, так как они осознаются как правовые нормы, возвращенные «снизу», рожденные самой природой человека, а не дарованные «сверху», по желанию и воле государства. Только в данном контексте эти нормы становятся легитимной (само)регулирующей силой общества. Иная трактовка, то есть с позиций другого типа правопонимания становится не убедительной, «зависает в воздухе», теряет свою релевантность.

А с позиций какого типа правопонимания трактовать проблему правового государства? Здесь сам ход исторического процесса подсказывает, что «природные права» человека могут проявляться как в позитивном, так и в негативном аспекте. Например, оборотной стороной свободы является не только ответственность, но и эгоизм – абсолютизация «собственного» индивидуального и корпоративного «Я» при одновременном игнорировании прав, запросов и интересов других «Я». Причем подобная интенция может быть оправдана ссылкой именно на естественно-правовую природу человека. Можно, конечно, возразить, что выше означенный негативный тип личности воспроизводится социальными условиями, провоцирующими подобные устремления, расширяющими масштабы эгоистического самовыражения человека. Однако с той же очевидностью в данном случае актуализируется проблема не условий, а предисловий – четко артикулированных, обозначенных норм юридического позитивного права, источником которых является государство, отвечающее за порядок в обществе с точки зрения справедливости, то есть обеспечения первичности социального «Я» по отношению к индивидуальному «Я», интересов и запросов общества по отношению к намерениям и желаниям отдельных индивидов и т.д. Позитивное право в аспекте подчеркивания приоритетности ценности порядка вкупе с гарантией обеспечения и реализации ценности свободы личности есть правовое государство. В «сухом остатке» получается, что гражданское общество и правовое государство как ключевые акторы социальной жизни являются носителями, соответственно, естественного и позитивного права и, таким образом, продуцируют, рождают, задают соответствующие типы правопонимания – естественно-правовой и позитивистский.

Приведенная характеристика интеракции гражданского общества и правового государства дана в идеальном (очищенном от социальных «наслоений») ключе. Характеристика же реальных взаимоотношений данных ключевых акторов взаимодействия приводит к метаморфозе

выше обозначенных типов правопонимания, что получает свое воплощение в социологическом позитивизме, востребованность которого обусловлена тем обстоятельством, что сформулированные государством нормы-законы должны воплотиться на практике, равно как и естественные права человека необходимо наполнить содержанием через конкретные процедуры и механизмы их артикуляции, реализации и защиты. Связующим звеном здесь являются решения правового характера, принимаемые государственными органами (прежде всего судами) либо с опорой на существующие законы, либо путем правотворчества в форме прецедентов, но замыкающиеся, в конечном счете, на правах, запросах и интересах конкретных граждан. В этом отношении социологическая трактовка права становится ведущей, задающей выходы и на проблему легизма – правового государства с точки зрения эффективности принятых правовых решений, и на проблему юснатурализма – гражданского общества с точки зрения защиты естественных прав человека. В свою очередь органической составляющей процесса социализации (развертывания) легизма и юснатурализма является догматическое право, ибо здесь важно, с одной стороны, принимать во внимание то, насколько целеустремленно государственные органы (в лице чиновничества) руководствуются духом и буквой права (закона) с вытекающими из этого алгоритмами их действий и процедур, а, с другой – в какой степени рядовые граждане «подкованы» по части знания данных ипостасей (форм) правовой реальности с целью адекватного реагирования на изменяющиеся условия и обстоятельства, защиты своих прав и интересов. В рамках догматического контекста взаимодействия гражданского общества и правового государства на первый план выходит его (права) технологическая трактовка, тогда как мировоззренческие, аксиологические и иные моменты становятся герменевтической калькой второго порядка. С данным типом правопонимания тесно связана юридическая техника – «система профессиональных юридических правил и средств, используемых при составлении правовых актов и осуществлении иной юридической деятельности в сферах правотворчества, правоинтерпретации, властной и невластной реализации права, обеспечивающих совершенство его формы и содержания»¹. В итоге получается, что

---

¹ Давыдова М.Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники. Автореф. дисс. ... доктора юридических наук. –

правовая оценка гражданского общества – это одно, правового государства – другое, реального взаимодействия гражданского общества и правового государства – третье, догм (канонов) этого взаимодействия – четвертое и т.д. В каждом из этих случаев один тип правопонимания играет ведущую роль, а остальные – вспомогательную роль.

При всей кажущейся несовместимости, проанализированные выше типы правопонимания являют собой некое диалектическое (противоречивое) единство, особенно в прикладном аспекте, т.е. в их использовании в качестве познавательного инструментария применительно к конкретным явлениям, событиям и процессам социальной жизни. Этот парадигмальный симбиоз неизбежно востребует интегративное понимание права, выступающего в этой связи как система, где каждый ее элемент (тип правопонимания) одновременно играет роль причины (детерминанты) по отношению к другим элементам и роль следствия (деривата). Какой тип правопонимания становится «причиной», а какой тип «следствием» определяется познавательным контекстом – целью и задачами, объектом и предметом исследования, мировоззренческо-методологической ангажированностью познающего субъекта и т.д. Ясно одно, что интегративная методология правопонимания проявляет себя именно тогда, когда она формулируется, обозначается не как «в себе бытие, но как «для себя бытие», что равнозначно реальному применению, использованию данной методологии в анализе социальной реальности в аспекте подчеркивания ее (реальности) многообразия, многоликости, разнородности, диалектического характера развития, не сводимого к тому, что кажется «очевидным», ибо ипостась «очевидного» может быть и тем, что уводит в сторону познающую мысль, затушевывает существо возникающих проблем, центрированных в конечном счете на герменевтику социальной реальности, т.е. на то, что связано с ее интерпретацией, трактовкой и пониманием.